

Э.Т.А. Гофман

Щелкунчик и Мышиный король

Иллюстрации Ольги Ионайтис

КНИГА С КРУПНЫМИ БУКВАМИ

Любимые книги с крупными буквами

Эрнст Гофман

Щелкунчик и Мышиный король

«ЭКСМО»

1816

Гофман Э. Т.

Щелкунчик и Мышиный король / Э. Т. Гофман — «Эксмо»,
1816 — (Любимые книги с крупными буквами)

ISBN 978-5-04-159171-7

«Щелкунчик и Мышиный король» — одна из самых известных и любимых рождественских сказок мира. В ночь на Рождество девочка Мари получает необычный подарок — деревянного Щелкунчика. После этого обычная жизнь девочки начинает чудесным образом переплетаться со сказочным миром, в котором игрушки оказываются живыми, а Щелкунчик — его заколдованным правителем. Чтобы преодолеть чары и снова стать человеком, бесстрашному Щелкунчику с помощью доброй и отважной Мари предстоит одолеть семиглавого Мышиного короля... В этом издании представлен текст сказки без сокращений. Иллюстрации Ольги Ионайтис прекрасно дополняют праздничную и таинственную атмосферу этой рождественской истории. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

ISBN 978-5-04-159171-7

© Гофман Э. Т., 1816

© Эксмо, 1816

Содержание

Вечер сочельника	8
Чудо механики	13
Прелюбопытнейший подарок	19
Необычайные происшествия	23
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Эрнст Теодор Амадей Гофман

Щелкунчик и Мышиный король

Все права защищены. Книга или любая её часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или её части без согласия издателя является незаконным и влечёт уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Серия «Любимые книги с крупными буквами»

Художник Ольга Ионайтис

Перевод с немецкого Алексея Петровского

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Вечер сочельника

В сочельник детям доктора Штальбаума целый день не позволяли входить в гостиную и уж тем более в примыкавший к ней зал.

Фриц и Мари забились в уголок дальней комнаты, и им сделалось довольно жутко, когда стало смеркаться, а никто так и не принёс лампу, как это обычно бывало по вечерам.

Фриц таинственным шёпотом рассказывал младшей сестрёнке (ей только что исполнилось семь лет), что он с раннего утра слышал, как в закрытых комнатах шуршат, шумят и что-то тихонько приколачивают. А не так давно он видел, как в прихожую прошмыгнул низенький тёмный человечек с большим ящиком под мышкой; он отлично знает, что это не кто иной, как крёстный Дроссельмайер.

Мари от радости всплеснула ручками и воскликнула:

– Ах, наверняка что-то хорошенькое приготовил для нас крёстный!

Советник суда отнюдь не был красив: небольшого роста, худой, со множеством морщин на лице, – а правый глаз закрывала чёрная накладка. К тому же Дроссельмайер был совершенно лыс, поэтому носил превосходный светлый парик очень искусной работы. Крёстный, мастер на все руки, даже в часах понимал толк и мог их чинить. Когда в доме Штальбаумов выходили из строя часы, тотчас являлся Дроссельмайер, снимал парик, скидывал свой жёлтый сюртучок и, подвязав синий фартук, принимался тыкать в механизм часов острыми палочками.

Маленькой Мари было очень жаль часы, однако манипуляции крёстного не приносили им никакого вреда – напротив, после ремонта они весело тикали и певуче отбивали удары, чем доставляли большую радость всем членам семьи.

Всякий приход крёстного радовал детей, потому что в его карманах всегда оказывалось что-нибудь интересное – то смешной человечек, вращающий глазами и любезно раскланивающийся, то табакерка, из которой выскакивает птичка, то ещё что-нибудь забавное. К Рождеству он всегда мастерил особенные игрушки, которые стоили ему немалых трудов, поэтому, как только он вручал их детям, родители тут же убирали подарки под замок.

– Ах, что же для нас приготовил крёстный на этот раз! – в нетерпении воскликнула Мари.

Фриц полагал, что это непременно будет крепость, где проводят учения и маршируют взад-вперёд brave солдаты, пока на них не нападут другие солдаты, чтобы овладеть крепостью. Тут начинается бой: стреляют из пушки, летят снаряды...

– Нет-нет, – перебила его размышления Мари. – Крёстный говорил про сад и большое озеро в нём, по которому горделиво плавают лебеди с золотыми ленточками на шее и поют волшебные песни. Из сада к озеру приходит маленькая девочка, подзывает лебедей и кормит сладким марципаном.

– Лебеди марципан не едят, – довольно резко заметил Фриц, – да и не может крёстный сделать ничего подобного. И собственно говоря, что толку от его игрушек, если их сразу же отбирают.

Я гораздо больше люблю подарки от родителей – они у нас остаются, и мы можем делать с ними что хотим.

И дети принялись гадать, что подарят на этот раз мама и папа. Мари полагала, что Гертрудочка (её большая кукла) страшно изменилась, так как с каждым разом всё неудачнее и неудачнее падает на пол, что всегда отвратительно сказывается на её лице, а о чистоте платьев уж не приходится и думать. Самые строгие выговоры ни к чему не ведут. Кроме того, мама улыбнулась, когда Мари так восхищалась маленьким зонтиком у Гретхен. Фриц же, со своей стороны, уверял, что в его конюшне не хватает рыжего коня, а в его войсках совсем нет кавалерии, и папа отлично об этом осведомлён. Дети знали наверняка, что родители приготовили прекрасные подарки, которые теперь расставляют у ёлки, но вместе с тем им было известно, что Младенец Христос приветливо смотрит на них своими кроткими детскими очами и что

рождественский подарок, к которому как будто прикоснулась благодатная рука, бывает милее всякого другого.

Дети, продолжая шёпотом обсуждать подарки, которые хотели бы получить от родителей, вспомнили, как старшая сестра Луиза говорила: сам Христос руками родителей дарит детям то, что доставит им самое большое удовольствие – а уж это он знает гораздо лучше, чем сами дети, – поэтому они должны не мечтать и гадать, а спокойно и скромно дожидаться подарков.

Мари призадумалась, но Фриц не удержался и пробормотал:

– А всё-таки хорошо бы получить коня и гусар!

Совсем стемнело. Прижавшись друг к другу, дети уже не смели разговаривать: им казалось, что вокруг раздаётся шорох чьих-то лёгких крыльев, а откуда-то совсем издали доносятся звуки чудной музыки. По стене пробежал светлый луч, и брат с сестрой поняли, что это Младенец Христос на сияющих облаках полетел к другим счастливым детям.

В ту же минуту раздался серебристый звон: «Динь-дон, динь-дон» – двери распахнулись, и из большой комнаты хлынул такой поток света, что Фриц и Мари в восхищении замерли на пороге.

Вошли родители и, взяв детей за руки, пригласили в гостиную:

– Ну, идите, детки, посмотрите, что вам подарил Младенец Христос.

Чудо механики

Обращаюсь к тебе, мой благосклонный читатель или слушатель. Не важно, как тебя зовут: Фриц, Анна, Эрнест или как-то иначе. Вспомни своё последнее Рождество, множество подарков и тотчас представишь, как были ошеломлены дети. Лишь спустя некоторое время Мари с глубоким вздохом воскликнула:

– Ах как хорошо! – А Фриц несколько раз радостно подпрыгнул так высоко, как только мог.

Должно быть, дети в этом году вели себя особенно хорошо и скромно, поскольку никогда ещё не получали столько замечательных, великолепных подарков. На стоявшей посреди комнаты большой ёлке висели золотые и серебряные яблоки, и все её ветки были усыпаны, как цветами, леденцами, засахаренным миндалём и другими лакомствами. Но самыми красивыми на волшебном дереве были сотни весело сиявших, подобно маленьким звёздочкам, огоньков, которые радушно приглашали детей срывать цветы и плоды с ёлки. Всё сверкало и вокруг лесной красавицы: уж что за чудные вещи здесь были – вряд ли кто сумел бы и описать! Мари заметила хорошеньких кукол, всевозможную посуду, но что показалось ей самым запоминающимся – так это красивое шёлковое платье, отделанное разноцветными лентами. Оно так удачно висело на плечиках, его можно было рассматривать со всех сторон, что Мари и делала, не переставая восклицать:

– Ах какое чудное, милое платье! И мне его можно будет надеть – правда можно?

Тем временем Фриц уже три или четыре раза попробовал то галопом, то рысью объехать вокруг стола на своём новом коне, которого нашёл, уже в полном снаряжении, у стола с подарками. Спешившись, он объявил, что это очень горячий скакун, но это не беда и он отлично с ним справится, и устроил смотр своему новому гусарскому эскадрону, где солдаты были в

красных с золотом мундирах и с серебряными саблями, а лошади казались сделанными из чистого серебра.

Немного успокоившись, дети решили посмотреть книги с картинками: редкостные цветы, люди в разноцветных нарядах и играющие дети были так хорошо изображены, что казались живыми, – но только взяли первую книжку, как снова звякнул колокольчик. Фриц и Мари поняли, что настал черёд подаркам крёстного Дроссельмайера, и подбежали к стоявшему у стены столу.

Ширму, что долго загоразживала стол, наконец отодвинули, и такое великолепие предстало глазам детей! На зелёном цветущем лугу возвышался чудный замок с зеркальными окнами и золотыми башнями.

Вдруг раздался звон колокольчиков, двери и окна распахнулись, и стало видно, как по залам замка прогуливаются изящные крошечные кавалеры под руку с дамами в шляпках, украшенных перьями и вуалями. В среднем зале, который от множества крохотных свечей, горевших в серебряных люстрах, казался огненным, в такт звону колокольчиков танцевали дети. Какой-то господин в изумрудном платье часто выглядывал из окна и потом снова исчезал, а сам крёстный Дроссельмайер (только величиной с папин большой палец) время от времени выходил из дверей замка и, постояв, снова уходил внутрь.

Облокотившись на стол, Фриц некоторое время понаблюдал за обитателями замка и вдруг спросил:

– Крёстный, а можно мне туда войти?

Конечно же, это совершенно невозможно: ведь замок вместе со всеми своими золотыми башнями был гораздо меньше Фрица. Через некоторое время мальчику наскучило смотреть, как кавалеры и дамы всё так же прогуливаются, дети – танцуют, зелёный человечек – выглядывает из того же окошка, а крёстный Дроссельмайер выходит из двери, и он нетерпеливо выкрикнул:

– Крёстный, ты хоть бы вышел из другой двери!

– Это невозможно, мой милый Фриц, – ответил советник суда.

– Ну так заставь того зелёного человечка, что высовывается из окошка, прогуляться с другими по замку.

- И это невозможно.
- Ну, если так, то пусть хоть дети выйдут наружу: мне хочется как следует их рассмотреть, – упорствовал мальчик.
- Ничего из этого сделать нельзя, – рассердился советник. – Так устроен механизм.
- Вот как... – разочарованно вздохнул Фриц. – Значит, твои расфранчённые куколки в замке больше ничего не могут? Но это же неинтересно. То ли дело мои гусары: скажут, куда прикажу я, а не сидят взаперти в доме.

Не дождавшись ответа крёстного, мальчик подбежал к столу с подарками и принялся за своих гусар на серебристых конях: по его команде те гарцевали, нападали, отдавали честь и стреляли.

Мари тоже скоро наскучило наблюдать за однообразными движениями и танцами куколок в замке, но, будучи девочкой доброй и деликатной, она не стала шуметь и возмущаться, как братец, а тихонько отошла в сторону.

Советник Дроссельмайер обиделся и заявил родителям:

– Дети ещё очень глупы и ничего не смыслят, так что игрушку я заберу.

Но тут в дело вмешалась мама, отлично умевшая находить выход из любой ситуации, и попросила его рассказать, как устроен чрезвычайно сложный механизм игрушки.

Советник с готовностью всё разобрал и потом опять собрал, после чего снова пришёл в отличное расположение духа и подарил детям несколько великолепно благоухающих кукол из пряничного теста, с золотыми лицами, руками и ногами. Фриц и Мари очень обрадовались.

Сестра Луиза, по желанию матери нарядившаяся в подаренное платье, выглядела в нём красавицей, но когда на Мари тоже захотели надеть обновку, девочка попросила разрешения ею полюбоваться ещё немножко.

Прелюбопытнейший подарок

На самом же деле Мари не могла оторваться от стола с подарками, поскольку отыскивала нечто весьма необычное. Гусары Фрица своим парадным строем до поры заслоняли преинтересного человечка, и он тихо и скромно стоял у самой ёлки, как будто спокойно дожидаясь, пока очередь дойдёт и до него.

Рассмотреть фигурку Мари смогла как следует, лишь после того как братец принялся играть со своим войском. Красотой человек не отличался: длинная и довольно крепкая верхняя часть туловища совсем не соответствовала маленьким тоненьким ножкам, да и голова казалась слишком большой, – зато приятное впечатление произвела опрятная одежда, явно указывавшая на образованность и вкус своего обладателя. Щегольскую гусарскую фиолетовую куртку украшало множество белых шнурков и пуговиц, а великолепнейшие сапоги так плотно обхватывали его маленькие ножки в панталонах, что казались нарисованными. Узкий, уродливый, казавшийся деревянным плащ, прикреплённый к спине, и нелепая чёрная шапочка на голове дополняли костюм человечка, однако никак с ним не сочетались и выглядели немного смешно.

Тут Мари подумала, что ведь и крёстный Дроссельмайер носит скверный сюртук и отвратительную шляпу, однако добрый и очень милый, хотя, конечно, ему никогда не стать таким пригожим, как этот человек, во что бы ни нарядился. Чем дольше девочка смотрела на славного человечка, тем больше он ей нравился. Мари заметила, что у него добродушное выражение лица, а взгляд светло-зелёных, немного навывкате глаз приветлив и доброжелателен. Ему очень шла волнистая борода из белого хлопка, как нельзя лучше оттенявшая приятную улыбку ярко-красных губ.

Оторвавшись наконец от созерцания игрушки, Мари воскликнула:

– Папенька, а кому принадлежит вот этот прелестный человечек?

– Это, голубушка, общий подарок для всех. Его обязанность – колоть твёрдые орехи.

С этими словами герр Штальбаум осторожно взял фигурку со стола, и, когда приподнял деревянный плащ, человечек широко-широко разинул рот и показал два ряда острых белых зубов. Доктор предложил Мари вложить человечку в рот орех, и тот – крак! – его раскусил. Посыпалась шелуха, а сладкое ядро упало в руку Мари. Тут уж каждому стало ясно, что это Щелкунчик.

Мари пришла в неописуемый восторг, и герр Штальбаум сказал:

– Ну, доченька, если Щелкунчик так тебе понравился, ты и возьми его под свою опеку, хотя, как я уже говорил, пользоваться им имеют право все.

Мари тотчас принялась давать Щелкунчику орехи, но специально выбирала самые маленькие, чтобы ему не приходилось так широко раскрывать рот, что, в сущности, было не очень-то красиво. Вскоре к ней присоединилась Луиза, и Щелкунчик с большим удовольствием наколот орехов и для неё.

Между тем Фриц, устав от долгой верховой езды и воинской муштры, услышал весёлое щёлканье орехов и подбежал к сёстрам.

При виде смешного человечка, который теперь стал переходить из рук в руки, он громко захохотал, но затем тоже решил поесть орехов.

Щелкунчику теперь приходилось безостановочно открывать и закрывать рот, только Фриц, в отличие от сестёр, выбирал самые большие и твёрдые орехи. И тут вдруг – крак-крак! – у Щелкунчика вылетело три зуба, а подбородок отвис и зашатался.

– Ах ты, мой бедный-бедный Щелкунчик! – вскрикнула Мари и выхватила фигурку у Фрица.

– Подумаешь!.. – фыркнул Фриц. – Какой он Щелкунчик, если у него даже крепких зубов нет. Давай-ка его сюда: пусть уж доламывает остальные зубы, бездельник!

– Нет, не отдам! – заплакала Мари. – Ты посмотри, как он жалобно на меня смотрит. А у тебя нет сердца: ты бьёшь своих лошадей и даже расстреливаешь солдат.

– Так и надо: должна быть дисциплина. А ты в этом ничего не понимаешь! – выкрикнул Фриц. – А Щелкунчик не одной тебе принадлежит, так что давай-ка его сюда.

Но девочка быстро завернула фигурку в носовой платок и спрятала.

Шум ссоры привлёк внимание родителей и крёстного Дроссельмайера. К огорчению Мари, крёстный принял сторону Фрица, но герр Штальбаум возразил:

– Я совершенно определённо отдал Щелкунчика под опеку Мари, и, как теперь вижу, защита ему действительно нужна. Стало быть, с этого момента никто не должен его брать без её ведома. Кроме того, меня очень удивляет, как может военачальник требовать от раненого выполнения обязанностей.

Пристыженный Фриц, уже не обращая больше никакого внимания на орехи и Щелкунчика, тихонько проскользнул к другой стороне стола, где его гусары, выставив соответствующие передовые посты, устроились на ночёвку.

Мари собрала выпавшие у Щелкунчика зубы, подвязала ему челюсть белой ленточкой, которую сняла со своего платица, и опять заботливо укутала в платок. Щелкунчик выглядел страшно бледным и испуганным, и Мари не рискнула его куда-нибудь положить. Так, укачивая, как маленького ребёнка, девочка принялась рассматривать красивые картинки в книжках, лежавших в куче других подарков.

Когда крёстный Дроссельмайер стал подшучивать над ней и удивляться, как кому-то может нравиться такой уродец, девочка, против своего обыкновения, сильно рассердилась. Мари припомнила, как заметила сходство Щелкунчика с Дроссельмайером, и очень серьёзно сказала:

– Уважаемый крёстный, даже если бы ты так же принарядился, как мой дорогой Щелкунчик, и надел бы такие же чудесные блестящие сапоги, то всё равно вряд ли выглядел бы так, как он!

Мари никак не могла понять, отчего так громко рассмеялись её родители, а у советника сильно покраснел нос; сам он хоть и смеялся, но уже совсем не так весело, как раньше. Вероятно, на это у него были свои причины.

Необычайные происшествия

В гостиной доктора Штальбаума, сразу же, как войдёте, слева у стены стоит высокий шкаф, в котором дети хранят все замечательные игрушки, которые ежегодно получают в подарок. Луиза была совсем ещё маленькой, когда герр Штальбаум заказал этот шкаф искусному столяру. Это был очень необычный шкаф: с прозрачными стёклами, вставленными как-то так, что вещи в нём казались гораздо красивее, чем в руках детей.

На верхней полке, куда не могли дотянуться ни Мари, ни Фриц, помещались необычные подарки крёстного Дроссельмайера; следующую полку занимали книги с картинками, а две другие были в полном распоряжении детей. На самой нижней полке Мари устроила комнаты для кукол, а повыше Фриц расквартировал свои войска.

Вот и сегодня наверху братец расставил полк гусар, а внизу Мари вместо Гертруды поселила в отлично меблированную комнату новую нарядную куклу и сама себя пригласила к ней на шоколад.

Я сказал, что комната была отлично меблирована, и это совершенно точное определение. Уж не знаю, моя внимательная слушательница, есть ли у тебя, как и у маленькой Мари, такой же диванчик в пёстрых цветочках, хорошенькие стульчики, низенький чайный столик и, что, наконец, лучше всего, великолепная белая кровать, на которой отдыхали бы самые красивые куклы. Все эти изысканные вещицы стояли в углу шкафа, стенки которого были оклеены разноцветными картинками.

Ты, конечно, догадалась, что новая кукла по имени, как Мари узнала тем вечером, Клара отлично себя чувствовала в такой комнате.

Совсем поздно, в двенадцатом часу, когда крёстный Дроссельмайер уже ушёл домой, дети всё ещё никак не могли оторваться от шкафа, хотя мама уже не раз напомнила, что пора ложиться спать.

– И то правда, – сдался наконец Фриц. – Моим бравым гусарам надо отдохнуть, но пока я тут, ни один из них не посмеет даже немножко вздремнуть!

Он отправился спать, а Мари стала упрашивать маму позволить ей на крохотную секундочку остаться, чтобы кое-что прибрать. Она была такой разумной и послушной девочкой, что фрау Штальбаум могла совершенно спокойно оставить её без присмотра. На тот случай,

если Мари всё же слишком увлечётся новой куклой и другими игрушками и забудет потушить свечи, мама сделала это, так что комнату теперь освещала единственная висячая лампа, разливавшая приятный приглушённый свет.

– Смотри, доченька, не засиживайся, а то проспишь завтрак, – сказала мама и, поцеловав Мари, ушла в спальню.

Едва оставшись одна, девочка принялась за то, что больше всего её беспокоило, но в чём не хотелось признаваться даже матери. До этого она носила бедного Щелкунчика на руках, завернутого в носовой платок, а теперь осторожно положила на стол, тихонько развернула и осмотрела повреждения. Щелкунчик, хоть и был очень бледен, улыбался, но так кротко и скорбно, что у Мари сжалось сердце, и она, едва сдерживая слёзы, прошептала:

– Ах, Щелкунчик, ты только не сердись на братца: он вовсе не нарочно – просто немножко огрубел от трудностей солдатской жизни. По сути, он хороший, добрый мальчик, уверяю тебя. Как только крёстный Дроссельмайер вставит тебе прочные зубы и вправит плечи, ты опять повеселеешь – он очень умелый мастер.

Едва Мари произнесла это имя, рот Щелкунчика страшно искривился, а в глазах как будто сверкнули зелёные огоньки, но не успела девочка испугаться, как на его лицо вернулась обычная скорбная улыбка.

Мари подумала, что виной таким изменениям – поколебавшееся из-за сквозняка пламя лампы.

– Ну не глупо ли! Так испугаться, что чуть не поверила в способность деревянной куклы гримасничать!

Мари взяла Щелкунчика в руки, подошла к шкафу, присела на корточки и обратилась через стекло к своей новой кукле:

– Я очень прошу тебя, Клара, уступить свою постель бедному Щелкунчику: уж обойдись как-нибудь диваном и не забудь, что ты совсем здорова и хорошо себя чувствуешь, иначе у тебя не было бы таких румяных щёк. И потом, даже у самых красивых кукол далеко не всегда бывают такие мягкие диваны.

Клара, в своём рождественском великолепии выглядевшая очень гордой и недовольной, не проронила ни словечка в ответ.

«Ну и не стану я с ней церемониться!» – решила Мари, осторожно уложив Щелкунчика в кровать, перевязала ему покалеченные плечи ленточкой и укрыла до самого подбородка.

«Только с неучливой Кларой я его не оставлю». И девочка поставила постельку Щелкунчика на полку Фрица, прямо рядом с гусарами.

Заперев шкаф, она уже хотела было идти спать, как вдруг отовсюду: из-за печки, из-под стульев, из-за шкафов – послышался тихий писк, шорох и шуршание. Настенные часы почему-то шипели, причём всё громче и громче, но никак не могли пробить. Мари, взглянув на них, увидела, что большая золочёная сова, сидевшая там, расправила крылья, так что они полностью закрыли циферблат, и вытянула вперёд свою отвратительную кошачью голову с кривым клювом. Шипение стало совсем невыносимым, и сквозь него ясно прозвучали слова:

Эй вы, часики, идите,
Потихонечку стучите:
Короля не напугайте —
Песней старой зазывайте!
«Тик-так, бом-бом!
Тик-так, бом-бом!»
Для него ваш громкий звон
Будет звуком похорон!

Затем хрипло и глухо раздалось «Бом-бом!» и повторилось двенадцать раз. Мари сделалось так жутко, что от страха она чуть не убежала, как вдруг вместо совы на часах увидела крёстного Дроссельмайера в жёлтом сюртуке, полы которого, словно крылья, свешивались с двух сторон.

Приободрившись, девочка крикнула, хоть и плаксиво, зато громко:
– Крёстный, а крёстный, ты зачем туда забрался? Спустись, пожалуйста, и не пугай меня так!

В это время поднялся такой визг и писк, что Мари показалось, будто за стенами топочут тысячи маленьких ног. В тот же миг из щелей пола засверкали тысячи огоньков. Но это были не огоньки – вовсе нет! – это были сверкающие глазки. Мари увидела, как отовсюду выглядывают и вылезают мыши. Скоро по всей комнате беспорядочно забегали, стуча лапками, пол-

чища мышей, а потом и вовсе встали в шеренги, совершенно как солдатики Фрица, когда тот выстраивал их для сражения.

Мари сделалось смешно, а поскольку у неё не было отвращения к мышам, как у некоторых детей, то и страх почти совсем прошёл, пока не раздался такой ужасный и пронзительный свист, что она вновь задрожала как осиновый лист. Ах что она увидела! Ну право, мой милый читатель, хоть я и знаю, что у тебя такое же мужественное сердце, как у мудрого и храброго полководца Фрица Штальбаума, а всё-таки мне кажется, что если бы и ты увидел это, то бросился бы бежать или даже, пожалуй, быстро прыгнул в постельку и укрылся одеялом с головой.

Только вот бедняжка Мари так сделать не могла, потому что – вы только послушайте, дети! – прямо у её ног, как будто от действия какой-то подземной силы, стали вылетать песок, извёстка и битый кирпич. Затем из-под пола с отвратительным шипением и свистом показались семь мышиных голов, увенчанных сверкающими коронами, а следом показалось тело громадной мыши. Да-да, это была одна мышь, но... с семью головами, и каждую венчала корона. Всё войско приветствовало её единодушным громким писком, сразу пришло в движение и с топотом направилось к шкафу, а следовательно, прямо на Мари, которая стояла ни жива ни мертва, прижавшись к застеклённой дверце.

От страха у неё так колотилось сердце, что того и гляди выпрыгнет из груди, и кровь стыла в жилах.

Едва не теряя сознание, она попятилась назад, послышалось «дзинь-дзинь-дзинь», и задетое локтем стекло дверцы разлетелось на кусочки.

Левую руку будто обожгло, однако сразу же на душе стало легче, писк и свист прекратились, и всё кругом погрузилось в тишину.

Хотя в темноте ничего нельзя было разглядеть, девочка решила, что испуганные шумом разбитого стекла мыши вернулись в свои норы.

Но в тот же миг Мари поняла, что ошибается: в шкафу за её спиной опять поднялся страшный шум и раздались тоненькие голоса:

Всем вставать
И идти воевать!
Ночь не ночь —
Вставать!
Воевать!

Бодро и мелодично зазвучали колокольчики.

«Да ведь это моя музыкальная шкатулка!» — обрадовалась Мари и, отскочив в сторону, увидела, что весь шкаф как-то странно засветился и всё в нём задвигалось и закопошилось.

Несколько кукол принялись бегать взад-вперёд, размахивая ручками. В ту же минуту поднялся Щелкунчик, отшвырнул прочь одеяло и, решительно выпрыгнув из кровати, громко закричал:

Кнак-кнак-кнак!
Мышиный дурак!
Кнак-кнак!
Мышиный король – дурак.
Крик-крак!
Настоящий дурак!

Выхватив из ножен крошечную сабельку, взмахнув ею над головой, он издал воинственный клич, который тут же был подхвачен тремя полицейскими, паяцем, четырьмя трубочистами, двумя музыкантами и барабанщиком:

– О государь! Готовы служить тебе верой и правдой! Победа или смерть! Веди нас!

Воодушевлённый этими словами, Щелкунчик решился на опасный прыжок на нижнюю полку, новоиспечённые подданные – за ним. Им-то что не прыгать: и одеты в сукно да шёлк, и внутри у них вата да опилки, – а вот бедный Щелкунчик наверняка сломал бы себе что-нибудь (вы только подумайте: до нижней полки больше полуметра, а туловище-то из хрупкой липы!), если бы не Клара. Кукла быстро вскочила с дивана и поймала нашего героя вместе с обнажённой саблей в свои нежные ручки.

– Какая же ты умница, Кларочка! – всхлипнула Мари. – А я так дурно думала о тебе. Уж, конечно, ты бы и сама охотно уступила Щелкунчику свою постель!

Между тем Клара, прижимая юного героя к шёлковой груди, говорила:

– О государь, неужели вы, весь израненный, намерены подвергнуть себя опасностям битвы? Посмотрите на ваших храбрых подданных: они уверены в победе. Полицейские, паяц, трубочисты, музыканты и барабанщик уже внизу, и сахарные куклы с моей полки тоже готовы к битве. Вы же отдохните в моих объятиях или, если хотите, полюбуйтесь победой с высоты моей шляпы со страусовыми перьями!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.